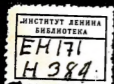
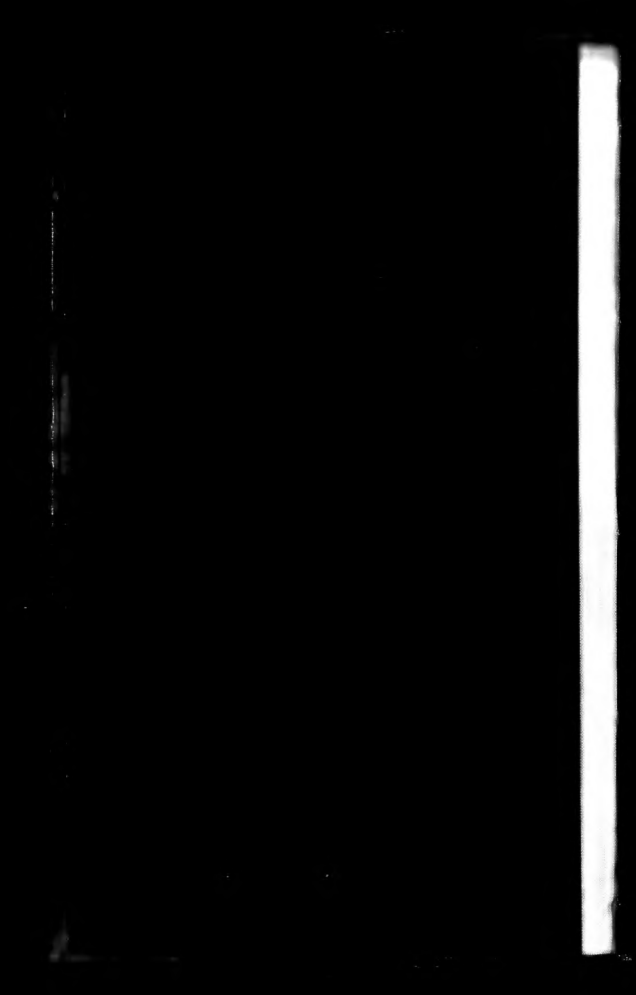
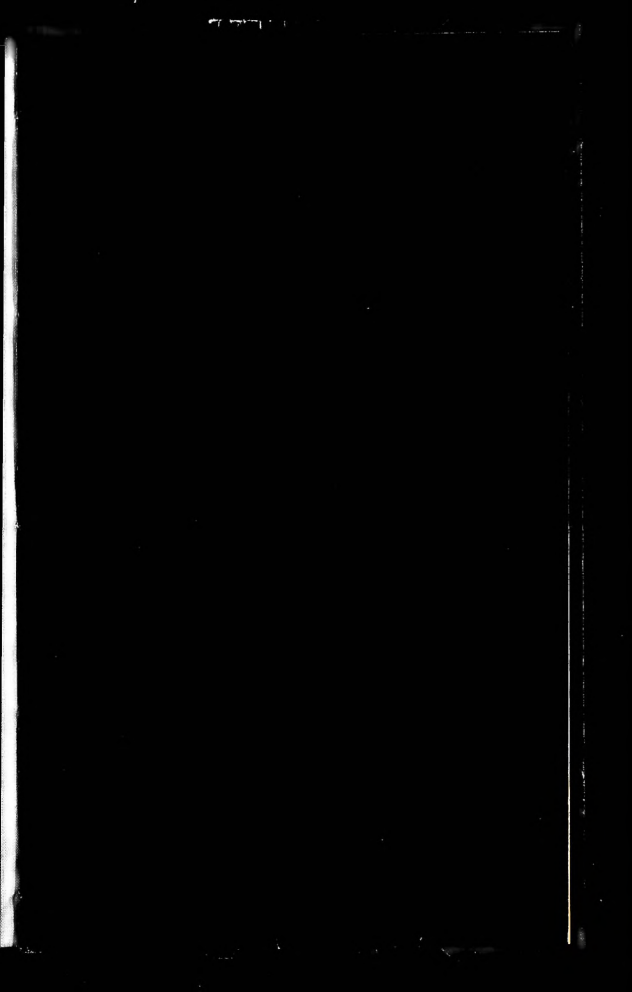
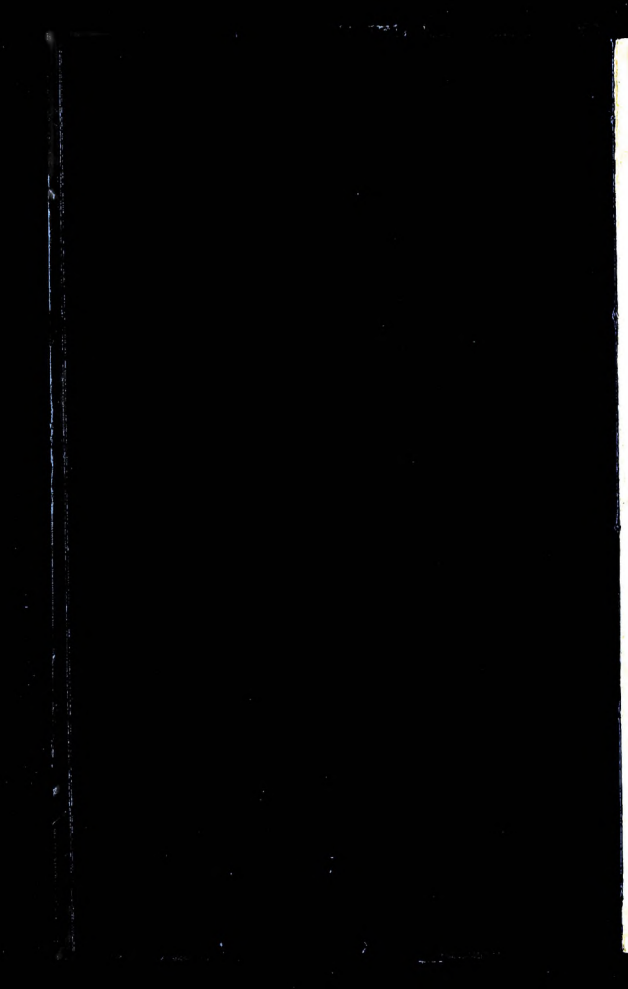

СЕРИЯ
КОЛОДЕЦ
КОЛОДЕЦ
СЕРИЯ КОЛОДЕЦ
И
КОЛОДЕЦ
КОЛОДЕЦ

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ЕН171
Н 384

Л. Троцкий.

НАШЕ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

— III —

НАШИ ФРОНТЫ.

ДОКЛАД

на 7-ом Всероссийском Съезде Советов Рабочих,
Крестьянских, Красноармейских и Трудовых Казац-
ких Депутатов 7-го декабря 1919 года.

(Стенографический отчет)

Типография Издательства Политотдела III армии
1919 г.

К.

ЕНИИ
Н 384

Института Ленина

при Ц.К. В.К.П. (б.)

(1189) $\frac{с. 30}{12}$

~~30~~ ел.

1062866

ДОКЛАД Т. ТРОЦКОГО

на 7-м Всероссийском Съезде Советов Рабочих
Крестьянских, Красноармейских и Труд. Казаки
Депутатов 7. декабря 1919 года.

(Стенографический отчет).

ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КРАСНОЙ АРМИИ.

Товарищи, Красная армия получила свое правовое, законодательное основание сперва в декретах Ц. И. К. от 22 апреля прошлого года, затем в основном принципиальном освещении в виде постановления Всероссийского съезда Советов, пятого по счету, 10 июля прошлого года. В указанных декретах и постановлениях были определены те основные линии, на которых Советская власть, Военный Комисариат в частности, обязывались строить вооруженную силу Советской республики. Эти постановления предписывали полное преодоление кустарничества и самодельщины в том деле, которое меньше всего мирится с кустарщиной и самодельщиной. Отсюда вытекала необходимость строить армию на началах научных, правильных, регулярных. Это было сказано вами совершенно ясно и отчетливо. Отсюда вытекала, как один из видов, необходимость привлечь к этому строительству бывших офицеров старой армии, как людей, знающих военное дело больше, чем его в этот период знали представители рабочего класса, да знают еще и сейчас. Вместе с тем были заложены тогда же одновременно с Красной армией те основы, которые характеризуют все наше строительство. Это армия не «общенародная», не «общенациональная», не «демократическая» в кавычках, не армия учредительного собрания, это — армия **трудящихся классов**, которые борются за пересоздание всего общественного строя. Стало быть, в армию мы ввели классовый критерий. Из армии мы, при протестах, которые многим памяты, исключили эксплуататорские, паразитические, буржуазные, кулацкие элементы.

Армия должна отражать тот режим, который мы строим во всех областях общественной и политической жизни. Этот режим характеризуется политическим господством рабочего класса, опирающегося на широкие массы крестьянской бедноты и трудового крестьянства. Руководящая роль рабочего класса в армии была закреплена в виде института комиссаров, которых подбирали из наиболее опытных, надежных и самоотверженных представителей рабочего класса.

В области материальной организации армии преодоление партизанства означало для нас возобновление постановки военного хозяйства на правильной основе, прежде всего — возобновление военной промышленности в необходимых размерах; взятие на учет всего имущества, необходимого для целей войны; установление правильного его распределения, контроля над его расходом. Вот те положения, которые были установлены 5-м съездом Советов. Они служили руководящим указанием во всем нашем военном строительстве. Мы после 5-го съезда Советов со все

большим успехом переходили к регулярному построению наших вооруженных сил.

Прежде всего мы положили основанием армии правильную мобилизацию трудовых классов народа. К этому мы перешли не сразу. Для того, чтобы мобилизовать, чтобы не предоставлять вопрос о военной обороне страны на произвол добровольческой стихии, нужно было иметь аппарат, пригодный для мобилизации, аппарат в виде местных военных учреждений. В первую эпоху при Народном Комиссариате и Военным Делам состоял Высший Военный Совет и его значение в истории нашего военного дела состояло в том, что он с необходимой энергией и последовательностью проводил организацию военных округов, губернских, уездных и тогда еще волостных военных комиссариатов. Только после создания этого аппарата мы могли приступать ко взятию населения на учет и к его фактическому привлечению в ряды наших воинских частей. Работа, которая в этой области совершалась, проходила все время под колоссальным давлением войны. В отличие от всех других стран, которые имели перед своей войной долгую эпоху так называемого вооруженного мира, в течение которой они строили и вооружали свою армию, мы нашу первую в мире рабоче-крестьянскую армию вынуждены были создавать под непосредственным давлением военных потребностей, под приставленным к горлу бандажом мирового империализма вожем. Мы создавали аппарат, при помощи аппарата одновременно строили армию и на работе этой армии проверяли и исправляли аппарат.

Сейчас у нас страна в военно-административном отношении разбита на 8 военных округов. В этих округах числится 46 губернских и 344 уездных комиссариатов. Это число сейчас довольно быстро растет. С Южно-го фронта требуют для украинских губерний опытных военных комиссаров—лучшие кандидаты на Харьков, Полтаву и на Киев в первую очередь.

ПЕРВЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ.

Первая мобилизация была серьезнейшим испытанием для нашего военного аппарата и в известном смысле для всей нашей Советской системы. Мы нелегко решились произвести первую мобилизацию в Москве, которая охватывала летом прошлого года всего 10.000 рабочих. Для нового Советского строя создать аппарат, который мог бы и умел бы учесть, подсчитать, найти военнороботных и который был бы настолько авторитетен для призываемых, для мобилизуемых, чтобы они являлись на место и включались в части,—это, товарищи, не простое дело. Первая мобилизация в Москве городских рабочих, наиболее воспитанных в политическом смысле, разумеется, была легче всего. Она прошла успешно, что позволило нам этот опыт постепенно расширять на всю страну. В течение последнего отчетного года от нашего последнего 6-го съезда Советов до и наш его съезд мобилизовали очень много. Разумеется, я лишен права здесь называть цифры, но и для кого из нас не тайна, что мы мобилизовали десятки тысяч в месяц, иногда эти десятки тысяч складывались в сотни тысяч. А эти сотни тысяч уже образуют миллионы за два года нашей гражданской борьбы (апподементы). Товарищи, эти цифры имеют двойное лицо. Стало быть миллионы рабочих и крестьян вырвались из трудовой жизни и ставались в тяжкие ненормальные условия воюющей армии. Но вместе с тем, тот факт, что молодая власть революционной класс оказалась способной миллионы граждан страны поставить под ружье, показывает, что эта власть сильна и крепка опорой трудящихся масс. Армия наша состоит из крестьян и рабочих. Рабочие составляют в ряды до 15—18%. Но в нашей рабоче-крестьянской армии рабочие сохраняют руководящее положение, как они сохраняют его во всей Советской стране,

во всех областях жизни и работы. Это дает им преимущество большей сознательности, большей сплоченности, более высокого революционного закала.

АРМИИ НАШИХ ВРАГОВ.

Вы знаете, товарищи, что и наши противники, Деникин и Колчак, эти главные наши враги, начали с партизанских отрядов. Они, конечно, подходили с другого конца. В то время, как мы посылали красногвардейки чести из петербургских и московских рабочих по всей стране расширять область пролетарской революции, Деникин и Колчак создавали ударные, офицерские, юнкерские и студентческие батальоны. По нашим стопам они перешли затем на путь мобилизации крестьянских и отчасти рабочих масс. Им сперва казалось, что мобилизовать невозможно,—после распада старой царской армии и развала старых психологических связей, развала того элемента дисциплины, вне которого они не знали ничего. Когда они увидели, что мы—партия, выросшая по их представлению из каких-то глубин анархии, беспорядка, оказались способными мобилизовать сотни тысяч и миллионы, то они решили также испытать это за собой, разумеется, счет. Они сделали на Востоке широкий опыт, и на первых порах он как будто бы дал надлежащие для них результаты. Это было впервые испробовано на армии Колчака, который при помощи звонких мобилизованных армий одержал большие победы. Но дальнейшая проверка огнем и мечем дела совершенно различные результаты на нашей армии и на армии Колчака. Пока у них, у Дутова, Колчака, у Деникина были партизанские отряды из наиболее квалифицированных офицерских и юнкерских элементов, до тех пор они развивали большую ударную силу по отношению к их числу, ибо, повторяю, это элемент большого опыта, высокой военной квалификации. Но когда тяжелая масса наших построений на мобилизации полков, бригад, дивизий, армий, вынудила их самих перейти к мобилизации крестьян, чтобы массу противопоставить массе, тут заработали законы классовой борьбы. И мобилизация превратилась у них во внутреннюю дезорганизацию, вызвала работу сил внутреннего разрушения. Чтобы это проявить, вскрыть на деле, понадобились только удары с нашей стороны.

И, как ли отрадно нам сознавать непосредственную боевую силу Красных армий, для нас еще важнее понять и определить социальную классовую почву наших побед. У нас правильная армия и там правильная армия, у нас мобилизованные массы и там мобилизованные массы, у нас главным образом крестьяне и там главным образом крестьяне. У нас руководят рабочие, а среди них—наиболее сознательные, революционеры, коммунисты—так руководят офицеры, студенты, наиболее сознательные представители буржуазных интересов. У нас развитие борьбы дает сплочение, дает закал, у них развитие борьбы дает разложение и распад (аппараты). Вот, где основа всего.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И КРАСНАЯ АРМИЯ.

Я упомянул о том, что армия,—и это есть основная мысль доклада, который я вам представляю—является сколком, отпечатком, отражением всего нашего общественного строя. Он основан на политическом господстве рабочего класса, оштрафованного на крестьянство. В рабочем классе руководящую роль играет коммунистическая партия—руководящая Советская партия. И вот почему, делая доклад, как военный комиссар, а не как представитель партии, я никак не могу обойти той роли, которую играют коммунисты в рядах нашей армии. Ответственные посты комиссаров заняты в подавляющем большинстве случаев работниками коммуни-

стической партии. В каждом полку, в каждом батальоне, в каждой роте вы найдете коммунистическую ячейку. Наши положения, наши уставы гласят на этот счет, что коммунисты в армии не имеют никаких прав, только обязанности. Разумеется, было бы чрезвычайным оптимизмом утверждать, что все без исключения коммунисты в армии исполняют свой долг безукоризненно. Дело идет не о небольшой отборной группе, а об очень и очень большом числе работников коммунистической партии. Я не стану его называть, но скажу, что оно выражается шестизначным числом, стало быть никак не меньше 100.000 человек (аплодисменты). Но в то же время на самом деле оно много больше, и в подтверждение позволю себе тут сослаться на наших военных специалистов, на командный состав, в значительной части непартийный, я считаю себя в праве здесь снова сказать, что без этой коммунистической закладки, без самоотвержения, без примерной доблести лучших представителей рабочего класса, эта армия распалась бы прахом. И не раз командующие фронтами и армиями и главнокомандующий, когда на том или другом участке фронта дело складывается неблагоприятно, обращаются к Революционному Военному Совету прямо или через посредство соответственных инстанций с просьбой, с требованием о присылке надлежащего количества коммунистов (аплодисменты). Разумеется, товарищи, мы все очень высоко ценим тот факт, что и другие партии, которые причисляют себя к оппозиционным и так или иначе являются за последнее время, мобилизовали известное количество своих работников для дела армии. Они там все принимаются, как братья. Но я должен здесь же, отнюдь не собираясь отводить много места полемике, отметить одно, по моему, поучительный и содержательный факт. В Харькове на смотре мне был представлен командный состав одного полка, где приблизительно четвертая часть состояла из меньшевиков. Я интересовался их дальнейшей судьбой. Их, аттестовали, как превосходных и самоотверженных борцов, которые оказались на высоте тех тяжелых положений, в каких была потом украинская армия. Но, прибавлю, когда в этом полку происходили какие-нибудь замесы, недовольства, ворчания, а на Украине такие явления приводили легко к тяжелым осложнениям, эти командиры-меньшевики приходили к комиссару полка и требовали скорее послать туда агитатора-коммуниста с коммунистической литературой (аплодисменты). Они были хорошие солдаты, они хотели победы и они знали, что они не помогут своему полку распространением в нем декларации Мартова (аплодисменты).

Товарищи, в той тяжелой борьбе, о которой когда-нибудь поэты напишут большие хорошие книги, в этой борьбе мынесли тяжчайшие жертвы — солдаты, командиры и комиссары, коммунисты расходуются без числа. Для коммунистов не может быть и не существует плена: коммунист, который попадает в плен, гибнет безвозвратно. Были, правда, случаи, когда один из видных работников Московск. округа, товарищ Барышников, прекрасный боевой товарищ, не успел застрелиться в момент, когда попал в когти мамонтовской козлицы. Барышников был повешен. Те, которых вы из своей среды выделяете с великим ущербом для этой работы и посылаете туда не как рядовых, мобилизованных солдат, а как духовных руководителей, как людей, которые идут сражаться и учить других сражаться, бороться и умирать, они все знают, что для них не существует возможности попасть в плен. Сколько первоклассных борцов, комиссаров, командиров пускали следнюю пулю в голову, когда не оставалось ничего, кроме позорного плена. За два года, товарищи, объезжая фронты, я наблюдал, как складывается новая психология или, вернее, как старая человеческая психология получает новый стальной закал. Мы когда-то с интересом относились к японской каге самураев, которые во имя коллектива, национального, целого, не оста-

навливаются никогда перед смертью. Я должен сказать, что в лице наших комиссаров, передовых бойцов-коммунистов мы получили новый коммунистический орден самураев, который—без кастовых привилегий—умеет умирать, и учил других умирать за дело рабочего класса (апплодисменты).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В КРАСНОЙ АРМИИ.

Связка между комиссарами, передовыми рабочими членами коммунистической ячейки и остальной массой воинской части достигается прежде всего при помощи политической работы, которой равной по размерам не знала еще ни одна армия. Эта политическая работа развернулась очень широко за последние годы благодаря широкому притоку работников, печати и средств. Достаточно сказать, что еще в январе этого года у нас в армии не было ни одной школы грамоты, а теперь 3.800. У нас до 1-го января было 32 клуба, а теперь 1.315. У нас до 1-го января не было ни одной подвижной библиотеки, а теперь 2.392; у нас расходуются—правда, по нынешней плачевной валюте,—сотни миллионов рублей в год на культурно-просветительную работу в армии. Эта работа вернет в деревню, на заводы и фабрики людей, которые будут двумя и тремя головами выше тех, которые вышли из деревень, фабрик и заводов в армию (апплодисменты).

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ.

Вопрос о командном составе представлял для нас огромные затруднения. Этот вопрос во все критические эпохи, во все переломные революционные периоды истории представлял огромные трудности для государственной власти, тем более у нас, где дело шло о совершенно новой по классовому содержанию и по типу государственности. Помню, как 22-го апреля прошлого года, когда мне приходилось докладывать ЦИК доклады, определившие путь формирования Красной армии, в этом числе отставать необходимость привлечения военных специалистов в армию и учреждения института комиссаров, я просил бы представителя оппозиции вспомнить об этом факте не для подмигивая, а для того, чтобы облегчить возможность чему-нибудь учиться друг у друга, если мы действительно хотим работать на почве советского режима,—я просил бы вспомнить о том, что нам тогда было сказано, я помню это твердо, не заглядывая в старые протоколы, нам было сказано, что мы армии не создадим, что это смехотворный проект, что мы к контр-революционным командирам приставляем комиссаров в виде двух архаистов. С того времени прошло более, чем полтора года. Вы знаете, какие тяжкие это были времена в военном отношении вообще и в частности в деле внутреннего строительства армии. У нас оказалось не мало предателей и изменников, немало случаев перехода бывших офицеров в лагерь врага. Возьмем историю самой блестящей в мире армии—армии Великой французской революции. Она складывалась путем амальгамы, как тогда говорили, из старых королевских линейных батальонов и из новых добровольческих батальонов. Из 150 человек королевского офицерства около половины бежало в лагерь контр-революции к иноплеменному врагу, другая половина вместе с новыми командирами осталась на службе революционной Франции. Возьмите гражданскую войну в Соединенных Штатах в 60-х годах прошлого столетия, там в новой форме то же разделение командного состава. Верх офицерства разделяются. Большая часть перебегает на юг к рабовладельцам и обеспечивает первые месяцы и годы перевеса южанам, пока революционная армия севера не создала себе необходимого кадра командного состава при его помощи—армии. Ураливы и отливны были в этом процессе и у нас происходил сложный естественный и искусственный отбор, в котором играло роль много факторов, прежде всего, самый ход военных операций, наши неудачи и успехи, наше международное положение. Величайшее влияние имело сотрудничество ваших комиссаров с командирами. Я позволю себе здесь подчеркнуть еще раз, что на многих бывших ге-

пералов, полковников и т. д. производил колоссальное впечатление тот факт, что московским и питерским рабочие с корявыми руками в вопросах политики и мирового развития понимают в десять раз больше, чем они, — ученые военные специалисты (апломсмены).

Бывшие офицеры постепенно приучались с уважением относиться к своим сотрудникам-комиссарам. Они наблюдали изо дня в день, как комиссары, эти представители правящей партии, делегированные Центром для ответственной работы, отдают себя делу целиком, не требуют для себя никаких привилегий, являются первыми туда, откуда грозит наибольшая опасность. Это нравственное влияние комиссаров не могло не привлекать лучшую часть командного состава к тому классу, к тому режиму, который имеют тысячи и десятки тысяч такых работников для своих нужд.

Таким образом, наша армия не только механически вливалась в свой состав десятки тысяч бывших кадровых офицеров, а дело идет именно о десятках тысяч нет, она многие тысячи из них органически впитывала, психологически втягивала, нравственно и перерабатывала и подчиняла новому духу, который господствует в нашей армии не за страх, а за совесть.

КОМАНДНЫЕ КУРСЫ.

Наряду с этим, товарищи, мы, на основании вашего постановления, считаем очень значительное количество курсов командного состава для наиболее боевых рабочих и сознательных крестьян, как из старой армии, так и из нашей Красной армии. Не буду извывать цифр, по причинам весьма понятным, скажу только, что этих курсов имеется несколько десятков. Число курсов за последний отчетный год возросло втрое, число курсантов возросло втрое, так что армия все более пополняется в области наших командных должностей непосредственными выходцами из фабрик, заводов, деревень, которые проходят краткосрочные командные курсы. Затем, после получения необходимого боевого стажа, в наилучших боевых частях, наиболее способные проводятся нами через средние военные школы и становятся конноводными командирами полков, бригад и, наконец, наиболее подготовленные проходят через нашу красную академию морального штаба и через наши артиллерийские и инженерные академии.

КОМАНДИРЫ-ПРОЛЕТАРИИ.

Наконец, товарищи, у нас есть известное количество ответственных командиров, которые не прошли ни старых школ, ни новых наших курсов и академий вообще. Это прежде те коммунисты, которых мы отправляли на фронт, чтобы приобщаться к военному делу и вносить политическое сознание в среду красноармейцев, и которые благодаря личным качествам в короткое время приобрели необходимый стаж для занятия крайне ответственных командных постов. Здесь выступал представитель туркестанского фронта, тов. Фрунзе. Весь старый боевой стаж его состоял в том, «если не ошибусь, что он стрелял по приставу, который расстреливал рабочих (смех и апломсмены). Я не сумею вам доложить, попал ли он в приставу или нет. Но затем он был отправлен на фронт, после того, как работал окружным военным комиссаром. В настоящее время он командует армиями фронта, и, по отзыву Главного Командования, с успехом командует. Восьмой армией, одной из лучших, командует тов. Сокольников, которого мы знали в свое время как члена Ц. К. партии, как прекрасного журналиста и оратора, но вполне штатского. Теперь он командует армией и, опять-таки по отзыву Главного Командующего, хорошо командует. У нас есть в качестве одного из блестящих командиров бывший молодой не то партизан, не то подполковник тов. Тухачевский, который провел ряд блестящих операций в решающих действиях против Колчака (апломсмены). В дивизии мы найдем еще большее разнообразие.

Мы найдем там же мало бывших унтер-офицеров, являющихся ныне дивизионными генералами по старой терминологии. Небольшими армиями у нас командовал бывший младший нестроевой унтер-офицер, который раньше имел достаточно мирную профессию—он бывший парикмахер. В этой области, товарищи, у нас нет никакого шаблона, нет какого-либо «принципа», мы ищем хороших, верных командиров всюду, где можем, и если где-то командует на соседних участках дивизия бывший генерал и рядом—рабочий металлист, из бывших унтер-офицеров, и если они конкурируют друг с другом в проявлении искусства и доброй энергии, то тут нет вреда для рабоче-крестьянской революции (аллодисменты). Измены, правда, продолжались до последнего времени. Совсем недавно наблюдалась крупнейшая измена в Петрограде, где во главе заговора стоял полковник генерального штаба Люндквист. Но, товарищи, наряду с изменами и изменниками, шло с армиями чужеземного империализма. Люндквистами, кадровые офицеры в составе Красной армии имеют своих героев и мучеников в лице генерала Стайкевича, генерала Николая и в других, имена которых сами еще не записаны ни в печати, ни на бумаге. Мужественный генерал Николаев, повешенный Балаховичем, торжественно похоронен в Петрограде. Генерала Стайкевича мы хоронили не так давно здесь, под стенами Кремля, на Красной площади. Это—старик 62 лет. Он был помощником командующего 13-ой армией и во время отступления попал в плен. От него требовали перехода на сторону врага, он отказался. Ему выжгли на груди каленым железом нашу красную звезду—ее выдали многие товарищи здесь, в Москве. Он, старый генерал, сам надел на себя веревку, оттолкнув палача, он умер достойно за дело рабоче-крестьянской революции (аллодисменты).

Разумеется, случаи измены и предательства необходимо порождают подозрительность и бдительный контроль, который иногда больно ударяет по тем нашим товарищам и братьям по военному делу, которые вышли из среды старой царской армии, в качестве бывших офицеров. Это тяжелое положение многих из нас приходилось наблюдать не раз. Но, я думаю, что сейчас настал период, когда из него выход намечается более и более. Красная армия и советский режим доказали силу, и тот слой командиров, который колеблется, шатается, глядит где сила, чтобы прятуться к ней, этот слой становится все меньше и меньше. Процесс, который происходит в командных и штабах Красной армии, процесс выработки на партийной, но советской идеологии, должен найти ныне открытое выражение. Должны создаться также твердые взгляды, такая советская атмосфера в среде бывших кадровых офицеров, которая уничтожила бы всех этих тушинских воров и перелетов,—чтобы каждый кадровый офицер знал, что это—не временная служба по вольному найму, а высокий подвиг, подвиг духа, подвиг крови,—что тот, который носит сзади мыслью, ходит с пазухой, тот, кто поглядывает с надеждой туда, на южный фронт, чтобы таким образом и морально, и физически не оставалось места в среде бывшего кадрового офицерства, с честью служащего ныне рабоче-крестьянской Республике и отстаивающего ее независимость, ее будущность на всех фронтах.

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Во всяком случае, товарищи, в этой области, как и во многих других, мы через самые большие затруднения прошли. Тем самым открываются новые перспективы и возможности. Переработка психологии старого кадрового офицерства, сознание широких командных кадров из среды рабочих и крестьян, появление целого ряда боевых командиров-самоучек из среды партийных работников, появление выдающихся командиров, как Буденко, бывший унтер-офицер старой армии, который с успехом командует очень большим кавалерийским соединением,—это образование сплошного красного команд-

ного состава обеспечивает нам возможность постепенного перехода к **единачалию**. Ибо, конечно, комбинация из командира и одного или двух комиссаров, комбинация, над которой в свое время подшучивали представители оппозиции, не является идеальной и вечной комбинацией в военном деле. Наоборот, военное дело требует в лице командира единства во всем, политического и морального авторитета. Чем больше мы получаем надежного, прочного, сознательного, самоотверженного командного состава, тем больше создается почва для введения полного, единоначалия, при сохранении, разумеется, всего значения за аппаратом политической работы. Это есть одна из тех задач, в разрешении которых мы в области военно-организационной работы в ближайшем будущем приступим.

СНАБЖЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.

Вопросы **снабжения** представляли для нас громадные затруднения. Наш советский аппарат в этой области подвергался тяжчайшему испытанию и—выдержал его. Был период, когда наши заводы не производили ни одного патрона, ни одной винтовки, ни одного пулемета, ни одного орудия,—перIOD, когда старый аппарат распался, а к созданию нового мы еще всерьез не приступили. Когда мы восстановили военную промышленность, производство в первый месяц дало крайне скромные результаты. Я скажу, не имея возможности назвать абсолютные цифры, что последний производственный месяц дал результаты в 10—15 раз большие, чем тот первый месяц, когда мы приступили к работе. И здесь можно сказать то же самое, что и по отношению к мобилизации; этот факт имеет два лица, он означает, что мы нашу истощенную страну вынуждаем работать для дела войны. Но мы вынуждены воевать. Раз мы вынуждены воевать, мы должны быть вооружены, и мы хотим быть хорошо вооружены. Мы достигли необходимых результатов. Наш аппарат оказался способным восстановить военную промышленность. Мы в этом отношении стоим сейчас вполне твердо на двух ногах. Опасность того, что мы погибнем из-за отсутствия патронов, выстрелов, пулеметов и орудий, опасность, которая нам грозила 8—10 месяцев назад, уже не существует, она исчезла, ее нет (аплод.). Этот самый факт, скажу я, отходя на шаг в сторону, свидетельствует, что аппарат, который способен в несколько месяцев наладить военную промышленность, будет способен наладить промышленность вообще, когда мы для промышленности откроем источники Донецкого угля, нефти на Кавказе, как мы уже открыли источники Туркестанского Хл.л.д. Стало быть здесь испытание военного аппарата, есть испытание высшего звена вообще.

Военное снабжение сосредоточено ныне во всех этапах,—в производственном, распределительном, учетном. Во главе всех военных снабжений поставлен несколько месяцев назад тов. Рыков с широким подспорьем. Это обстоятельство—сосредоточение и равенственной важности дела в одних руках при деятельном содействии профсоюзам и других рабочих организациях—дало, как я уже сказал, крупные производственные результаты. В области учета наличного имущества мы также достигли больших успехов: мы точно знаем, что у нас есть, чего у нас не хватает, мы знаем сколько сапог и шивалей будет у нас в следующем месяце. Признаюсь, это было не так просто для нас в начале нашей работы—подсчитать имущество, взять его на учет, научиться маневрировать им согласно с потребностями и операциями наших войск. Теперь наша армия в основе обуви, одежды, накормлена по крайней мере на наиболее для нас достижимых фронтах. Между нашими органами снабжения и В. С. Н. Х., с одной стороны, Наркомпродом и Наркомпути установлены правильные отношения сотрудничества, которое позволяет чем дальше, тем больше работать без перебоев.

Военное снабжение поставлено, однако, в трудные условия, потому что вся наша страна нуждается в снабжении: у рабочих и у крестьян нет сапог, белья и швейцел. Поэтому то там, то здесь открываются воронки, через которую военное снабжение протекает в руки праждакского населения, чаще всего через самих солдат. Конечно, это можно объяснить, но этого нельзя допустить, потому что в первую голову нужно одеть Красную армию. Я уже не говорю о том, что обмундирование, которое вытекает из рядов армии, становится слишком часто предметом кулацких продаж, преступной спекуляции на разных рынках и задворках. Здесь мы еще не достигли необходимых результатов. Мы теперь приступили к борьбе против злоупотреблений с военным обмундированием. Я останавливаю ваше внимание на этом праждакском вопросе, ибо он имеет для нас колоссальное значение: мы не сможем, идя далее таким же темпом, одеть и обуть нашу армию. В борьбе против хищного расходования и преступной растраты мы идем двумя путями: во первых—более точный учет не только наверху, но и внизу в самых воинских частях, более правильная постановка ротного и полкового хозяйства, точные артиллерийские списки, введение в жизнь служебной книжки солдата, в которой точно записано, что он получил. Другой путь—не ведомственный. Необходимо мобилизовать общественное мнение передовых рабочих и сознательных крестьян, начиная от волостных исполкомов и фабрично-заводских комитетов, против злоупотреблений военным обмундированием, чтобы всем было ясно, что сейчас это для нас шпатель и сапоги—незыблемая составная часть наших средств против наших врагов. Только при этом условии наш Центральный отдел военных заготовок, который сейчас работает несравненно лучше, чем несколько месяцев назад, окажется способным одевать и обувать Красную армию без перерыва.

Если повесть итоги сказанному о строительстве Красной армии, я скажу бы, что у нас нет оснований менять наши методы, линию нашей работы в деле построения Красной армии. Нам нужно эти методы развивать, углублять, улучшать.

ВОСПИТАНИЕ КОМАНДНОГО СОСТАВА.

В области воспитания нашего командного состава, перед нами стоит задача увеличить число курсантов и приблизить самое преподавание к новым условиям и формам нашей войны. Тут в нашем преподавании слишком еще много рутины, старины, внешней теоретичности. Между тем состав курсантов, рабочих и крестьян, требует более практической приближенной к местности системы преподавания. В этом смысле жалобы фронтов нашли отклик в центре. Изменения производятся и будут производиться до конца.

ЗАБОТЫ О СЕМЬЯХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ.

Нужно, товарищи, лучше поставить дело заботы о семьях красноармейцев на местах. Это вопрос, который имеет огромное значение и отражается на моральном состоянии солдат. Я получал в президиуме напоминание об этом от одного из делегатов. Это—вопрос огромной важности. И в этом отношении местные советские учреждения делают не все, что могут сделать.

Нужно далее больше забот, больше внимания к больным и раненым красноармейцам. В этом отношении наблюдаются факты, совершенно непопустимые и постыдные для рабоче-крестьянской страны. У нас слишком часто, в силу отчасти общей нашей бедности, отчасти притупленности сознания во всякому горю, у нас сплошь и рядом боец, который ранен и вышел из строя, совершенно исчезает с поля боя, а медицинский персонал и сестры относятся к нему далеко не всегда внимательно. Я скажу прямо, что буржуазия умеет окружить своих раненых, главным образом, конечно, офицеров, гораздо большим вниманием, чем мы окружаем наших раненых и больных красно-

армейцев. Я прошу вас, вернувшись на места, поставить этот большой вопрос в порядок дня обсуждения местных советских учреждений. Необходимо за помощью официальным военно-санитарным учреждениям мобилизовать общественную советскую инициативу, рабочих и работниц, крестьян и крестьянок. Опыт Петрограда и Москвы показывает, что в этом отношении можно достигнуть больших результатов.

ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ.

В вопросе о транспорте я упомянул, что мы установили правильные организационные отношения с ведомством путей сообщения. Народный Комиссар путей сообщения и его заместители поставленным Совнаркомом введены в Реввоенсовет Республики. Но сотрудничества на верхушке недостаточно. Наши железные дороги большую часть своих сил и средств, по условиям гражданской войны, отдают военному транспорту. Это теснейшее сотрудничество, вмененное нам в обязанность постановлением Совнаркома, должно проводиться на местах, особенно во всякой обширной фронтовой и прифронтовой полосе. Здесь есть много представителей армий и фронтов, а на этот вопрос первостепеннейшей важности я позволю себе обратить их внимание.

Счас все зависит от транспорта. Скажу прямо, у нас на Восточном фронте есть не одна дивизия, которую мы могли бы перебросить сейчас на юг, после разгрома Колчака и добить Денкина в короткий срок. В чем затруднения? Это затруднение в транспорте. Разумеется, мы его преодолеем. У ведомства продовольствия в элеваторах на складах большое количество продовольствия. Но в чем затруднение — в транспорте. А главное затруднение транспорта — в топливе. Отсюда для армии вытекают две задачи: во-первых, со строжайшим вниманием, контролем и бдительностью относиться к тому, какое употребляется топливо, и особенно к тому, как удерживать лишнего вагона, я не говорю уже о паровозе, удержание без нужды лишней час лишнего вагона есть тяжчайшее преступление против интересов рабочего класса и крестьян, и вы, товарищи, делегаты фронтов и армий, на местах должны провести эту мысль в сознание всех работников военного ведомства и установить такой порядок, что если кто не проявит в этом смысле должного чувства ответственности, тот будет привлечен к ближайшей судебной ответственности за нарушение основных продовольственных и других потребностей трудящихся масс.

В то же время никто, как военное ведомство, с его обширными силами и средствами, может и способно сейчас прийти на помощь железным дорогам в области топлива, в особенности в прифронтовой полосе, где у нас огромное количество превосходных советских работников. Если в Москве не хватает топлива, то не потому, что здесь «бюрократизм», как говорят оппозиция, а потому, что $\frac{1}{4}$ лучших работников Москва дала на все фронты. Но на этих фронтах лучшие работники, опираясь на силы и средства военного ведомства, могут обеспечить в первую голову железные дороги фронтовой и прифронтовой полосы необходимым количеством дровяного топлива. Это делается уже сейчас и это должно делаться с все более и более усиленной энергией.

О ПРЕДСТОЯЩЕЙ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ.

Таковы, товарищи, практические заключения. В области перспектив у нас возникает вопрос о дальнейшей судьбе нашей Красной армии. Когда она доведет свою борьбу до конца и мы заключим мир, тогда встанет перед нами вопрос о демобилизации. Этот вопрос сейчас может показаться слишком галатеальным, чтобы на нем останавливать внимание высшего законодательного органа советской страны. Я ограничусь лишь необходимыми словами. Вопрос о демобилизации, вопрос очень сложный и ответственный, требующий боль-

шой подготовки. Мы к этому приступали, и своевременность приступа признают все, в виду несомненного поворота в международной нашей судьбе, что мы констатируем на этом месте.

МИЛИЦИОННАЯ СИСТЕМА.

Но если говорят о заключении мира в ближайшем будущем, то этот мир нельзя будет еще называть вечным миром. Пока остаются классовые государства, пока остаются могучие очаги империализма на Дальнем Востоке и в Азии, и в Европе, до тех пор не исключена возможность того, что мир, который мы наемся заключить в ближайший период, окажется только более длительной для нас перемиришкой, но нового покушения на нас империалистических хищников запада или востока. Эта возможность не исключена, стало-быть, дело может идти не о разоружении, а об изменении организации вооруженных сил государства. Нам нужно вернуть рабочих на землю, крестьян в деревни, восстановить промышленность, поднять сельское хозяйство. Стало-быть, нужно война сблизить с работником, полки приблизить к фабрикам, к селам и волостям. Стало-быть, нужно перейти к проведению в жизнь **милиционной системы** вооруженных сил Советской Республики. Сейчас даже среди наиболее консервативной части наших военных специалистов все более и более стихают возражения против милиционной системы. В самом деле, мировая война научила в этом отношении кое-кого наиболее закорюзлых педантов. В мировую войну все первоклассные империалистические государства выступили с армией, которая оказалась ничтожной по сравнению с той вооруженной силой, которую выбросили на поле мировой войны в момент ее начавшегося развития. Вот несколько цифр: Россия имела накануне войны 1.320.000 солдат, довела число солдат во время войны до 6.860.000. Франция имела 630.000—довела до 4.500.000. Германия имела 770.000—довела до 5.490.000. Австро-Венгрия имела 390.000—довела до 3.500.000. С-Штаты имели 252.000 и выставили до 1.790.000.

Другими словами, число солдат, которое сражалось во время империалистической войны, превосходило в 5—7—9 раз число тех солдат, которые входили в постоянную армию мирного времени. Это значит, что армии имели кадры постоянных войск, а затем во время войны импровизировали фактически милицию, широкую национальную армию, которая, однако, опиралась на слишком узкий фундамент этой постоянной регулярной армии. Одна национальная армия оказалась лучше, другая хуже, но во всяком случае, сражались не те армии, которые имелись в виду военными теоретиками и генеральными штабами всех стран. Разрешение вопроса путем одного колоссального удара не вышло. Понадобилось обратиться к основным источникам, почвенным и полновесным, доходить до глубочайших глубин и стало-быть, импровизировать.

Социалистические партии Второго Интернационала стояли за создание милиции в мирное время. Желая отстаивать эту идею, со свойственным его гению блеском, в виде парламентских законопроектов в своей книге о новой армии. Он, правда, представил себе в своем демократическом утопизме, что путь к новой армии прозойдет постепенно, незаметно, путем частичных реформ, как и переход к социализму, должен был, по его представлению, совершиться путем постепенной демократизации. В этом отношении он глубоко ошибался. История указала человеку ству другой путь—путь жестоких кровавых столкновений мировой империалистической войны и затем гражданской войны. Но идея милиции, т. е. превращение армии в вооруженный народ, приближение армии к земле и фабрике, создание полковых, бригадных и дивизионных территориальных округов, где имеется командный кадр и занимается обучением военному делу рабочих и крестьян, при чем каждый рабочий и крестьянин соответственной возрастной

категории принадлежит к определенному округу, стало-быть, исключен заранее в определенный полк и его могут сразу познать и поставить под ружье,—эта идея стоит перед нами, как единственная возможная перспектива вашей постоянной вооруженной силы марного времени. На этот путь нами переводится управление Всевобуча, которому предстоит огромная работа.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТАХ.

Вот, товарищи, по части строительства Красной армии все, что я могу вам доложить. Теперь позвольте перейти к вопросу о действиях Красной армии на наших фронтах, (аппозиенты). Вам, товарищи, здесь розданы схемы наших фронтов, составленные нашим полевым штабом под руководством его начальника П. П. Лебедева. На этих схемах вы найдете линии наших фронтов, как они сложились к 27 ноября (на карте не точно указано к 1 декабря). Вы можете потом на досуге рассмотреть карты, товарищи чтобы не затруднять на собраниях друг друга. Те основные мысли, которые я вам скажу, будут вам вполне доступны и без карты перед глазами.

За все это время, товарищи, как вы менялось наше военное положение, оно оставалось в одном отношении неизменным: мы были окружены со всех сторон. У нас есть фронт северный, западный, южный и восточный, который разбился на две части—на восточный собственно и на туркестанский. И только наши успехи на восточном фронте открыли нам некоторый просвет туда, в глубины азиатского материка. Пока еще, однако, этот процесс не успел нам дать все ожидаемые нами от него результаты. Он их даст.

Но сегодня мы еще остаемся окруженными со всех сторон.

Мы занимаем центральное положение по отношению ко всем нашим фронтам. Это дает нам огромно военное преимущество и позволяет нам перебрасывать с фронта менее важного или более устойчивого резервы на фронт более важный или менее устойчивый. Это преимущество, однако, ложится большой тяжестью на наши транспортные средства, что, в свою очередь, отражается на всем хозяйственном состоянии страны. Покончить с этим положением может только наша решительная победа на юге.

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ.

Начнем, товарищи, обзор наших фронтов с фронта наиболее неподвижного, наименее краматического—северного фронта. Он сложился после захвата Архангельска англичанами, путем десанта и, главным образом, путем воздушного налета. И если вспомнить тот период, как впервые наши заточенные полки, слабые полубатальоны, разбежались без боя в Архангельска, когда над ними появилась воздушная эскадрилья английских бомбардировщиков, и сопоставить с этой армией, какую мы имеем сейчас, ту, которая сражалась под Штроградом и отстояла Петроград, то можно сказать, что мы сделали за это время немалый шаг вперед. Северный фронт был после захвата Архангельска малоподвижным фронтом. Объясняется это тем, что он не был для нас никогда в широчайшем смысле фронтом. Операции там велются на очень ограниченном пространстве, т. е. территориально на огромном пространстве, но непосредственные боевые действия развиваются по дефиле вдоль ж. д. или вдоль рек. Там три главных направления.—Мурманское, Архангельское железнодорожное и Северо-Двинское. Слеза за нашими сволками, вы знаете, что там не зарегистрировано крупных военных событий. Но я пулдузуюсь случаем, чтобы отдать здесь должное исключительно героической работе тамошних наших солдат, командиров и комиссаров. Там самые тяжелые климатические условия. Зимой жестокий холод, глубокий снег. Иногда по грудь в снегу приходилось на дровах перетаскивать орудия. Осенью, весной, да и летом там глубокая грязь, тяжелые санитарные условия. Более того, мы там имеем тот случай, когда наши красные войска вообще не склонны тор-

питься на месте, привыкли наступать или при долгом зastoе разлагаться, мы имеем случай, когда в этой тяжелой атмосфере на О вере создались части, которые, несмотря на неподвижность фронта, отличаются превосходным упорством. И северный фронт дал нам для других фронтов немало прекрасных полков, дал нам в частности несколько полков под Петроград, дал нам целый ряд прекрасных командиров и работников. Достаточно назвать командующего ныне западным фронтом товарища Гиттиса, командующего ныне 6-й армией товарища Самойло.

Задача северной армии ясна и проста: очищение нашего севера. Нет сомнения, что настанет час, и он не далек, когда 6-й армии будет вручена главным командованием достаточно длинная метла, чтобымести отсюда с Беломорского и Мурманского побережья белогвардейские банды (аплодисменты).

До этого момента у нас остается прочная уверенность в том, что 6-я северная армия не допустит белогвардейцев на юг, к Петрограду, на Вологду, на разрыв Северной ж. д. В лице северной армии мы имеем в тяжких и в неблагоприятных условиях честного и верного часового Советской Республики (аплодисменты).

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ.

Наш восточный фронт представлял собою очень важный, в известные моменты, решающий фронт Советской Республики. Позвольте вас сначала познакомить с несколькими цифрами показательными для результатов наших боев. Из этих цифр ясны будут размеры наших побед на восточном фронте.

В общем, в результате нашей борьбы за последний отчетный год наши войска вернули Советской Республике 1194 тысячи квадратных верст с населением в 15,880 тысяч душ, не считая в пространственном отношении ни в отношении населения Туркестана, относительно которого сведения даже с достаточной приближенностью сейчас еще даны быть не могут. Из этого числа один восточный фронт вернул до 27-го ноября Советской Республике 130 тысяч квадратных верст с населением до 13 миллионов 213 тысяч душ, дьявнюю долю всех завоеваний Красной армии. Это было уже ударом, ибо за последние два наша армия выдвинулась снова значительно вперед. Вы знаете, что главное руководство операциями на восточном фронте принадлежало нынешнему главнокомандующему С. С. Камеяеву, присутствующему здесь в ложе перед лицом 1-го Съезда Советов (продолжит, аплодисменты, все встает).

Там, на восточном фронте мы начали создавать наши первые правильные армии под Казанью и Симбирском, в августе прошлого года. Мы имели сперва крупный успех, который закончился взятием Оренбурга, Уральска и Уфы, успехи наши, с небольшими перерывами продолжались до начала марта настоящего года, когда Колчак из глубины Сибири подвел всемирно-формированные резервы и ударив на нас тяжелой массой, отбросил вширь войска назад. Все помнят эти критические недели марта и апреля, когда войска Колчака приблизились к среднему плесу Волги, были от Казани в расстоянии 70—80 верст, от Волги у Саянска в расстоянии 30 верст. Мирная буржа уже дисконтировала Колчака, как коронованного властителя порабощенной страны. Тут было сделано первое великое напряжение Советской власти, партии, рабочих организаций, в краткий срок были мобилизованы, созданы, построены, вооружены и обучены свежие части, влиять в армии Востока тысячи коммунистов, наше военное строительство вообще приобрело новый темп, достигло особого напряжения, были созданы при фронтах управления формирования, которые дополняли работу Всероссийского Глав-

ного Штаба, совершаемую им под руководством Н. О. Ратель. Наша работа в области политического воспитания армии получила удвоенное, утроенное напряжение. Это дало свои результаты под опытным оперативным руководством уже в конце апреля. С апреля мы переходим в наступление на Бузулук, Бугульму и Белебей, которое разворачивается далее непрерывно и течение мая, июня, июля и августа. Мы переваливаем через Урал, и реходим Тобол, отбрасывая врага за Ишим. В начале сентября Колчак делает последнее усилие и противопоставляет нам свои последние резервы. Мы отходим на сотню—две верст назад за Тобол и закрепляемся там. Наши войска приводят себя в порядок, пополняются и переходят снова в наступление, нанося Колчаку на этот раз смертельный удар. Об этом свидетелствуют факты и все сведения, которые получены оттуда. Последние сообщения, которые дал И. П. Смирнов, один из наиболее выдающихся работников наших сибирских армий, председатель Сибирского Ревкома, гласит: (читает); «Алтайская губерния захвачена повстанцами. Нами отправлен туда ревком. Томская и Енисейская губернии охвачены восстанием. партизаны добывают Колчака. Перед армией и Сибревкомом встали на четый план организационные задачи. Зима должна пройти под знаком творческой работы».

Таким образом, в значительной мере Сибирь из рук армии переходит сейчас в руки советских учреждений, партийных, профессиональных организаций, для культурного советского строительства (аллошменты).

ТУРКЕСТАНСКИЙ ФРОНТ.

Наши успехи на востоке привели к необходимости отделить от Восточного фронта фронт Туркестанский. После того, как мы взяли, затем отстояли Оренбург и в районе Оренбурга разбили козачью армию Колчака, так что около 45,000 человек сдалось нам в плен, открылись ворота, или вернее приблизилась открытые восток на Туркестан. Окончательное соединение войск Туркестанского фронта, т. е. того нашего фронта, который лицом поставил и к Туркестану, с теми войсками, которые были в самом Туркестане, произошло, если не ошибаюсь, в середине сентября, в районе ст. Омба, Оренбургско-Ташкентской ж. д. которая функционирует на всем своем протяжении. Она технически исправна, по ней прошли уже первые поезда с хлопком и отправлялись в Туркестан эшелоны с военскими частями. Затруднение в том, в чем и везде—в топливе, но у командующего туркестанским фронтом есть надежды и пути на то, что эти затруднения будут устранены местными топливными средствами.

Туркестанский фронт открыл перед нами неисчерпаемые возможности.

Наш успех на Востоке, воссоединение Туркестана с Советской Республикой подняло авторитет Советской власти на всем порабощенном и угнетенном азиатском материке. Первым посланцем из Азии было у нас чрезвычайное посольство Афганистана. Туркестан является теперь предметом великого внимания для всех сознательных элементов Азии. И там, в Туркестане, передовые элементы Азии,—Афганистана, Белуджистана, Персии, Индии, Китая, Кореи,—которые претерпели вали и претерпевают колониальный и полуколониальный гнет стран, там они найдут новые идеи и новые средства для своего национального и социального освобождения.

Все это, однако, еще в будущем. Ближайшая из наших задач в Туркестане, в военном отношении состоит в том, чтобы вполне приобрести его к Советской Республике единством организации и единством армии, и первым делом все партизанские части, какие там имеются, подчинить общему режиму. Об этом я скажу, однако, в общей связи после того, как закончу обзор фронтов.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.

Западный фронт наш в своей судьбе был непосредственнее всего связан с судьбами Советской Республики. Этот фронт—после того, как он остался нам, как наследие от старой империалистической войны, был изменен к нашей выгоде, после прекращения в первых Брест-Литовских переговорах. После крушения германского милитаризма мы, в лице эстонских, латышских, литовско-белорусских частей переходим в наступление, которое после, в карте, достигает наивысшего развития; значительная часть Эстонии, значительнейшая Латвии, Литвы, Белоруссии подпадает под власть рабочего класса. Там создаются свои армии, но в этот момент Антанта оказалась способной своей менее вооруженной и движущей против нас буржуазно-кулацкие и идейно и материально порчиленные им крестьянские элементы стран, выделявшихся в западной полосе из бывшей царской империи. В апреле эти белогвардейские армии переходят в наступление против нас. Это происходило одновременно с наступлением Колчака на восток и жестоких машин боях на юге. Мы не могли с достаточным успехом отражать наступление белых армий Польши, Латвии, Литвы, Эстонии. Оттуда рабочая власть постепенно отступает на запад, сдавая один пункт за другим, в том числе такие крупнейшие центры, как Вильно и Ригу. Только к началу сентября это отступление приостанавливается по линии Западной Двины от Полоцка, до Двины, затем по линии Березины до Припяти. Здесь мы стоим и в настоящий момент.

На этом западном фронте, который с сентября остался неподвижным от Пекова к югу, северная часть дает нам драматическую картину наступлений и жесточайших боев, о которых здесь упоминали разные докладчики и ораторы в разной связи. Там дело шло о Петрограде и его судьбе, мировая будущая о ризах Петрограда метала изр бий. Петроград дважды отстоял доблестная 7-я армия в соединении с 15-й армией западного фронта, при героической поддержке петроградского пролетариата, которого вы удостоили награжден им орденом Красного Знамени (аллодисм яты). Там были жесточайшие бои и тем передовые борцы рабочего класса щедро расколовали свой героизм, свое самопожертвование и свою жизнь в тяжчайших условиях холодных дней нашей зимы и зимы. Поле брани под Петроградом было подлинным полем брани, где многие из отважных, в лучших остались навсегда.

Петроград наши армии отстояли. А был момент, когда он подвергся величайшей опасности момент, когда вопрос о Финляндии стоял очень остро. Как держали себя мы? Я мог бы сейчас на этот счет прочесть несколько секретных приказов или части приказов, которые перестали быть секретными, потому что события, которых они касались, отошли в прошлое. Из этих приказов упомяну приказ по 7-й армии относительно Карельской границы. Из слов оратора от фракции меньшевиков, здесь выступавшего, слышалось благожелательное предостережение: не наступать на мельбу государства по зап. границе, предоставив им внутренними силами решать свою судьбу. Мы не в малой мере—скажу я в ответ—не собирались и не собираемся провоцировать, прямо или косвенно, какое бы то ни было из государств, которые были здесь правильно названы вассалами Антанты,—и это, несмотря на то, что они провоцировали нас не раз. В то время, товарищи, когда мы боролись у Пулковских высот за судьбу Петрограда, финляндская белая гвардия обстреливала наши части не только из пулеметов, но и из орудий, детскими обрушивали на вашу территорию динамит. С точки зрения так называемого международного права этого за глаза достаточно, как причины прямого объявления войны или прямого перехода в наступление с нашей стороны. После первого периода затрушеный, во второй половине октября, мы сосредоточили в Петрограде и под Петроградом достаточно сил для отпора в

Секретно
Исторический архив № 1063366

направлении Карельского участка. Как же мы себя держали? Я тут же скажу и могу в любой момент подтвердить официальными документами, что наш приказ командующему 7-й армией в отношении Финляндии гласит: несмотря на провокацию, на артиллерийскую стрельбу, на отдельные бесчинства вдоль границы избегать каких бы то ни было действий с нашей стороны, которые могли бы быть истолкованы, как наше желание, как наша попытка напасть на Финляндию. Разумеется, одновременно с этим были приняты меры, чтобы разъяснить финским рабочим наше нежелание сражаться против Финляндии, нашу полную готовность в расстоянии двух переходов от Петрограда терпеть буржуазную Финляндию,—под условием, чтоб финская буржуазия твердо доняла с своей стороны, что самостоятельная независимая Финляндия в расстоянии нескольких десятков верст от Петрограда может существовать лишь при том условии, если она будет никогда не будет бросать на чашу весов, где разрешается судьба Петрограда. Повторяю: во второй половине борьбы мы были достаточно сильны для отпора, но мы сказали тамошнему командованию: «не отвечать на провокацию; но если Финляндия вмешается, несмотря на это, если она перейдет через границу, если сделает попытку ударить на Петроград, то отвечать ей полностью, не ограничиваться отражением, перейти в наступление, идти до конца». Армии было приказано сделать ответственными за покушение на Петроград не только финляндскую буржуазию в целом, но каждого финского буржуа в Выборге и Гельсингфорсе в отдельности, всех их притереть как багнетом, покушающихся на петроградский пролетариат.

В боях под Петроградом славой покрыл себя наш Балтийский флот, который, как с полным правом говорил здесь тов. Баранов,—сам моряк и член Революсовета, Балтийский флот не только делал что мог, и что должен был на воле, в своей естественной стихии, но выбрасывал на сцену в критические моменты тысячи моряков, которые посылались в самые опасные места (англо-немецки).

Если подвести итоги нашим операциям на западном фронте, то здесь, несмотря на наши отступления на указанную мною линию, мы в общем итоге ув. личил территорию Советской Республики на 40.800 кв. верст с населением около двух миллионов душ.

В дополнение еще два слова об авантуре Юденича. Его разбитая армия, как известно, перешла на эстонскую территорию. Наши войска стоят почти по линии Наровы, которую мы считаем впрямь до каких-либо изменений, которые могут быть внесены в результате мирного договора, границы между Советской Россией и Эстляндией. Здесь я позволю себе на минуту вернуться к тому, что говорил представитель меньшевиков с этой трибуны, советовавший, (что вполне совпадает с нашей линией) не наступать на Эстляндию и Финляндию. Я обращаю его внимание на тот факт, что эстонское правительство, которое вместе с Юденичем наступало на нас и сражалось на нашей территории без каких бы то ни было поводов, со своей стороны включает в свой состав... эстонских меньшевиков. (Крики: «Срам! Стыд!»).

Борьба наша с Юденичем имеет некоторый педагогический интерес для Финляндии, Эстляндии, Литвы, Латвии и Польши. Мы говорили открыто, что в стратегическом отношении западный фронт не является для нас второстепенным фронтом, и поэтому это не самый сильный из наших фронтов. Но мы показали на авантуре Юденича, что в тот момент, когда с этого фронта угрожает опасность жизненным центрам нашей страны, наш командный и трибунопный аппарат оказывается достаточно сильным и гибким, чтобы в нужное время перебросить в нужное место, нужное количество боевых дивизий. Как бы соблазнительным не казался наш фронт на том или другом участке для наших врагов, воспоминание о наших операциях против Юденича останется крепкой зарубкой в их сознании. Они будут помнить и

иметь в виду, что мы всегда найдем и в центре страны, и на других фронтах достаточное количество резервов для того, чтобы дать отпор всякому врагу, покушающемуся на Москву, Петроград или Тулу, откуда бы он не пришел — через Нарову, через Западную Двину или Березину (аэлоинменты).

ЮЖНЫЙ ФРОНТ.

Нашим важнейшим фронтом сейчас является и до полного разрешения задачи остается наш южный фронт. Здесь, на юге, наша Вандея — на Дону и в Кубани. Война на юге — самая старая гражданская война. Она была начата казацкими силами прежде, чем чехо-словаки создали опору для «Учредительного Собрания» и Колчака на востоке. Здесь, на юге, мы в первом походе этого года, начиная с января, нанесли жестокий, почти смертельный удар донским войскам Краснова. Наши успехи на южном фронте длились в течение января, февраля, марта и апреля, до середины мая. В середине мая мы получили крупный толчок в грудь, и стали откатываться. Этот удар был нанесен не одной донской армией, к ней присоединилась добровольческая армия Деникина, севро-кавказская, кубанская и украинская. Только совокупность добровольческой, кавказской и донской армии дала перевес южной контр-революции над нашими войсками, которые в течение первых 4-х месяцев этого года нанесли тяжелый, смертельный удар армии Краснова, и подошли на 40 верст к Новочеркаску.

УКРАИНСКИЙ ФРОНТ.

Южный фронт соединился естественно с украинским фронтом. Но по происхождению украинский фронт связан не столько с нашим южным фронтом, сколько с западным. Украинский фронт был нами увлечен от германского империализма. Крушение германского милитаризма означало приведение нашего украинского фронта в динамическое состояние. Мы двинулись с севера на юг от Курска. Успех здесь был поразительный. Ничтожные силы, ковыстие с партизанами, в короткий срок очистили под общим руководством тов. Антонова-Овсепко всю Украину. В мае мы захватываем Крым, в июне — побережье Черного моря.

Этот период освобождения южной Украины совпал с моментом соединения деникинских и красновских войск воедино. Неудачи наши на южном фронте, на донецком и царичинском направлениях, предрешали дальнейшие наши неудачи на украинском фронте. И там, и здесь враг был один. Исключительно быстрый темп наших неудач на Украине объясняется теми же причинами, что и темп наших успехов: крайней неустойчивостью украинской почвы. Многолетняя смена режимов на Украине распатала там социальные отношения и психологию, превратила широкие круги крестьянства на продолжительный период в человеческий материал, которому крайне трудно сложиться в кристаллизованное общественное целое. Это отношение, впрочем, и в несомнительной части украинского рабочего класса. Добрый десяток разных режимов менялся в течение двух лет, и под этими режимами твердо стоял на ногах только украинский кулак, который не завалился при всех режимах. Режим стоит и режим падает, а украинский кулак остается на месте хозяйкином деревни. Этот украинский кулак приклад к своим рукам винтовку, ибо он пока еще твердо и решительнее середняка, а тем более бедняка. Элементом анархии и разрушения всех вообще основ человеческого существования на Украине является обнищавший, раздавленный все режимами, какие бываю на свете, и вооруженный до зубов украинский кулак. Можно сказать с уверенностью, что никакой режим на Украине не будет существовать и твердо стоять на ногах, пока не будет разоружен украинский кулак. Это есть первая задача тех красных войск, которые вступают в Украину. Сейчас украинский фронт целиком сливается с нашим южным фронтом, ибо враг там и здесь один и тот же. Этот враг — Деникин, ко-

тому украинский кулак помог завладеть Украиной. Командование у нас общее и сейчас на Украину продвигаются регулярные части нашей Красной армии. Там, может быть не будет легкого триумфального повстанческого шествия, ибо украинским войскам отдан приказ не занимать ни одного города, ни одного уезда, пока нет достаточных сил, чтобы этот уезд обеспечить со стороны прочной местной украинской Советской власти, а не сделать достоянием отдельных разнузданных банд (аплодисменты). Мы будем продвигаться планомерно. Я говорю, мы, потому, что в силу соглашения между украинским ЦИК и ВЦИК в июне этого года, у нас с украинской республикой армия объединена, командование объединено, и это остается во всей своей силе до тех пор, пока советский украинский хозяин не скажет нам, что разрывает эту связь. Мы уверены, что этого не будет никогда. Мы продвигаемся по Украине систематично, упорно, последовательно, и судьба Украины будет разрешена одновременно с судьбой Донецкого района, с судьбой Донской области, после чего будет разрешена и судьба Северного Кавказа.

Наступление наше сейчас происходит с успехом, которым мы можем быть в общем и целом довольны. Конечно, мы не отмерили еще тех пространств, которые отмерили на Востоке, где наши войска прошли на самом длинном направлении по линии птичьего полета 1,750 верст. На Юге мы прошли пока что по линии птичьего полета 250 верст, считая от того пункта, какой занимает фронт, когда Денишкин был севернее Орла. Последний фазис нашего наступления развернулся во второй половине октября. Мы везде продвигались с жесточайшими боями. На юго-восточной части южного фронта мы имели успех в первый период. После того там обнаружилась заминка, которую главное командование с достаточным основанием рассматривает как временную. Сейчас мы продвигаемся больше центром на правый фланг, но это явление, которое определяется временным распределением сил наших и врага, комбинациями сил на фронте. В общем, перевес сил на этом фронте на нашей стороне, инициатива в наших руках, резервы у нас есть, снабжение есть, твердое командование есть, одним словом, обеспечена полная победа над Денишкиным и южной контр-революцией (аплодисменты).

Товарищи, так как мы сейчас на всех фронтах продвигаемся с значительной быстротой, то та карта, которую я передал, уже до известной степени отстает к прошлому. Эта карта от 27 ноября, а теперь — 6 декабря. За этот период мы взяли следующие города: Остер, Козелец, Лебедин, Ахтырку, Прилуки, Лохвицу, Гадяч, Трайворон, Павловск, Новый Оскол, Хотмыжск. И как сообщали нам, хотя это официально еще не дозволено, нами взят Богородух, так что мы находимся теперь в 40 верстах от Полтавы и в таком же расстоянии от Харькова (аплодисменты). В промежуток от составления карты до сего дня на юго-восточном фронте взяты следующие города: Калач, Ст. и Нов. Круиша, станица Букановская. На Туркеставском фронте нами занята укреплени Уильское. На восточном фронте: Атбасар, Акмолинск, Семипалатинск, Павлодар, Славгород, Каинск.

ДЕНИКИН И КОЛЧАК.

Деникин был, несомненно, для нас гораздо опаснее Колчака. Колчак, чем больше имел успех, чем больше продвигался на запад, тем больше удалялся от основной своей базы, от Японии и Америки, и висел на этой тонкой ниточке Сибирской железной дороги. Деникин, чем больше был его успех, тем больше приближался он к основной своей базе, к Англии, к черноморским портам, к западному фронту, где по сухопутью мог установить и пытается установить связь с богатыми источниками всякого снабжения — Англией и Францией.

БЕЛАЯ И КРАСНАЯ КАВАЛЕРИЯ.

Кроме того, Деникин был и остается еще сейчас в известной мере богатым тем родом оружия, которое труднее всего создается — **кавалерией**. Если в тяжелой позиционной империалистической войне кавалерия, как бы ни оценивать ее работу, была подсобным родом оружия, то в нашей «легкой» — по быстроте отступления и наступления, но не по тем жертвам, которые она вызывает — в нашей полевой маневренной войне кавалерия играет огромную, в некоторых случаях решающую роль. Кавалерия не может быть импровизирована в короткий срок, она требует специфического человеческого материала, требует дрессированных лошадей и соответственного командного состава. Командный состав кавалерии составлялся либо из аристократических, по преимуществу дворянских фамилий, либо из Донецкой области, из Кубани, из мест прирожденной конницы. Во всех странах и почти во все эпохи конница была наиболее консервативным и привилегированным родом оружия. В гражданской войне составить конницу представляло всегда огромные затруднения для революционного класса. Армии Великой французской революции это далось не легко. Тем более, у нас. Если возьмете списки командиров, которые перебегали из рядов Красной армии в ряды белой, то вы найдете там очень высокий процент кавалеристов. Перевес конницы в первую эпоху борьбы сослужил в руках Деникина большую службу и дал возможность нанести нам ряд тяжелых ударов. Но Советская Республика сказала пролетарию, что он должен сесть на коня, приказала металлургу, текстильщику, пекарю стать кавалеристом, и он выполнил этот долг по отношению к Советской Республике.

b

Наряду с этими красными казаками, о которых с совершенно справедливой гордостью говорил тов. Полунин, сам красный кубанский казак, мы имеем массу кавалеристов из московских, питерских, Иваново-Вознесенских и иных пролетариев. Пролетарий выполнил приказ Советской Республики и сел на коня, и этот несомненный успех в области создания кавалерии свидетельствует о том, что путь, который был вами предвзят, путь правильного методического строительства на тех основах военного искусства, которые явились не случайно и которые нельзя заменить по произволу, ибо они являются отражением общего исторического и всякого иного развития человечества в его положительных и отрицательных чертах, что этот путь строительства оправдал себя именно на этом пути сочетания революционного энтузиазма с правильной, методической организацией мы обеспечили независимость и невзрывоспособность границ Советской Республики.

О ПАРТИЗАНЩИНЕ.

Товарищи, в связи с этим стоит задача, с которой мы встретились в тех областях, которые силою красных армий теперь приобретают или снова возвращаются в семью нашей Федеративной Советской Республики. Я говорю об Украине, о Северном Кавказе, о Туркестане, о Сибири. Во всех этих областях имеется огромное количество повстанцев рабочих и крестьян с винтовкою в руках, которые там боролись против контр-революции своей или чужеземной, и с которыми мы теперь соприкасаемся непосредственно, и чем дальше, тем больше. На Украине мы уже пришли в непосредный контакт с украинскими повстанцами. В Сибирь целые области и губернии приобретаются к Советской России благодаря повстанцам. То же самое будет на Северном Кавказе после того, как наш юго-восточный фронт двинется. — а это будет скоро, — решающий удар правому флангу армий Деникина. Сталкиваясь с партизанами, мы должны ясно определить свою политику по отношению к ним. А в этом отношении мы, товарищи, кое-чему научились.

Партизанство имеет свою орбиту, свою определяющую линию развития. Оно имеет чаще всего первоначальное ядро из наиболее самоотверженных рабочих и революционных крестьян. Вокруг него обростает затем дальнейшие эшелоны, по мере того как партизанство имеет успех. И, наконец, когда успех становится явным и несомненным, тогда прилипают искатели приключений, бандиты, охотники до легкой наживы. И в партизанстве сочетаются таким образом элементы героизма, анархии и бандитизма, самоотвержение со всеми видами нравственного озверения. Чем больше партизанство застывает, чем оно дольше удерживается в своем партизанском состоянии, тем больше оно вырождается в чуждость, на подобие балканских вооруженных банд, которые режут друг друга на спине обираемого и расхиляемого ими мучика.

И эта опасность теперь снова вырастает перед нами на Украине, и в несколько меньшей степени на Северном Кавказе, в Сибири, в Туркестане. Мы с самого начала должны выступить в этом вопросе во всеоружии прошлого опыта.

Украина должна быть и будет самостоятельной страной—достоинством украинских рабочих и крестьян (апплодис.). Но отдаленные группы повстанцев не являются олицетворением или воплощением воли украинских рабочих и крестьян. Украинский пролетариат и крестьянство свою волю выражат в своем советском государственном, хозяйственном и культурном творчестве, и поскольку это творчество будет развиваться в форме национальной украинской культуры, на украинском языке, разумнее, никто из нас никогда не попытается положить камень на пути развития свободной Советской Украины. Более того, именно потому, что украинский народ был угнетенным народом, придавленным империалистами-руссификаторами, среди него есть и будут еще долго чувствительность в отношении ко всяким выпадкам и заявлениям, которые могут быть истолкованы, как посягание на украинский язык, украинскую школу и культуру. Было бы одинаково противно и принципу и деловым соображениям текущей политики эту чувствительность прямо или косвенно задевать. Наоборот, как превосходно выразился товарищ Раковский, необходимо приложить все силы, чтобы украинский язык стал языком коммунистического просвещения украинских трудящихся масс. Но этого вопроса нельзя смешивать с вопросом о партизанстве. Товарищи украинцы, вопрос о партизанстве не есть вопрос о национальной культуре или языке, это есть вопрос военной целисообразности. Нет разницы для нас между партизанами на Украине, в Сибири и на Северном Кавказе! И если мы позволим украинскому партизанству застояться в недействии, что из него сложится украинская армия, мы во второй раз погубим Советскую Украину на этот раз надолго. Как же быть? В партизанских отрядах, сказали мы, есть элементы равной и даже противоположной ценности. Партизанские отряды, раз до них дошел наш основной фронт, должны оставаться в тылу для глубокого внутреннего переформирования. Из этих отрядов должна быть выкидана вся сорная трава, лучшие элементы должны быть подвергнуты необходимому обучению и дисциплинированы. И мы отдали прямой приказ армиям, когда они сталкиваются с партизанами, не принимать непосредственно и сразу в действующие части ни одного отряда, ни одного добровольца, не проведя их предварительно через запасные части, находящиеся в тылу. Если подлинный доброволец, честный рабочий или крестьянин желает бороться за дело рабочего класса, он на себя такую жертву возложит, чтобы в запасном батальоне в течение месяца обучиться и в строевом, и в тактическом, и в политическом отношении тому, чему мы обучаем Красную армию. Если же не захочет, то значит под видом добровольца идет бандит, каких не мало, которые из тех, что вступают в армию для грабежа, насилие и разорения украинских крестьян. Такому не может быть места в наших рядах. И я не

сомневался, что при полном одобрении и при полной поддержке всего, что есть сознательного и честного на Украине, всех передовых рабочих и крестьян мы будем через посредство организованной военной силы, проводить твердую и непреклонную политику в отношении партизанства. Добровольцы Махно, разумеется, представляют опасность для Деникина, поскольку на Украине господствуют Деникин, но, с другой стороны, они же презали Украину Деникину. И завтра, после освобождения Украины, махновцы станут смертельной опасностью для рабоче-крестьянского государства. Махновщина, товарищи, не есть явление национальной украинской культуры, нет—это есть национальный украинский паразит, и он должен быть вырезан раз навсегда (апплодисменты).

И Т О Г И.

Таковы, товарищи, те соображения, которые я мог вам предложить относительно военного строительства в тылу и относительно работы красных полков на фронтах. Все позволяет думать, что предшествующая длительная подготовительная работа обеспечила нам не случайные переходящие победы, а легла залогом полной и окончательной победы на всех фронтах и непосредственно на нашем главном, наиболее опасном южном фронте. ■

Стало быть, и это есть основной вывод, к которому мы вправе прийти, стало-быть, советский режим создал армию по образцу и подобию своему, и эта армия научилась побеждать. Это, товарищи, важный вывод для оценки всей нашей работы и для всего нашего дальнейшего строительства. Великий из нас знает, что армия является не чем-то иншим по отношению к данному обществу, а отражает все его стороны—и слабые, и сильные. Почему ненавиден рабочему классу милитаризм? Потому, что при буржуазном, дворянском классовом строе он возвышался над прудящимися массами, как увенчанье их рабства, господство дворянина и капиталиста принимает в военной сфере отягченное, яркое, отчеканенное, особенно тяжелое выражение. Экономическая зависимость крестьянина или рабочего от хозяина-бюргазя в армии превращается в отчетливую субординацию дворянского или буржуазного офицера над солдатом пролетарием или крестьянином, субординацию, которая является не только военной, но и социальной, классовой. Поскольку французская республика внешне формою и рамками демократии обманывает народные массы, постольку и в армии развита фразеология демократии, для того, чтобы там вернее закабалить французских рабочих, в виде солдат, ингерсам французской бюргии. Везде, какую вы страну ни возьмите, какие бы формы социальных отношений там ни были, армия отражает их целиком, она переводит на свой отчетливый уставной командный язык основные черты социального и государственного режима. Стало-быть, исторически верно, что война является жестоким, но верным поспордлым экзаменом для крепости общественных организаций. Конечно, могут быть случаи, когда организм здоровый будет в войне все же слабеть, потому что против него будет большая материальная сила. Но не может быть случая, товарищи, нет, не может быть случая, когда бы организм тихий, веродный, разлагающийся, «умирающий», способен был создать крепкую, боеспособную армию. Вот вывод, к которому мы приходим.

Я снова вспоминаю и наши прения 22 апреля прошлого года в Ц. И. К., и сегодня мною с жаром ио докладчика от оппозиционной партии, вспоминаю и сочувствую их в своем сознании. Нам говорили (это был Мартов): «Вы армии не создадите,—говорили 22 апреля прошлого года,—но создадите, исо фундамент пила». Но мы армию создали. Сегодня Мартов нам говорит, что мы показали свою силу в военной области и в дипломатической, что мы стоим там на высоте. Я уверяю, что говорю без задней мысли и без отпеша про-

нии, что у меня было чувство радости, когда Мартов, говоря о нашей армии и о вашей международной борьбе, сказал «мы», ибо этим он как бы приобщил известную идейную и политическую силу к нашей работе, а силы нем нужны. Но в декларации он сказал: «Прозвон, анархия, распад, умирающие советские учреждения, умирающая конституция». Я спрашиваю каждого из вас, каким образом режиму, картину которого нарисовал в декларации Мартов, режиму анархизма и анархии, с умирающими советскими учреждениями, каким образом этому режиму удалось создать армию, которая, по сознанию Мартова, стоит на высоте: армию, против которой стоят не 14 врагов, как говорил Черчилль, я пытался подсчитать, сколько их, и оказалось, по национальному составу 21 враг, в то же время **одни** враг—международная контрреволюция, мировая буржуазия. В борьбе с ней, во могущей, наша Красная армия оказалась на высоте. Это признали те противники, которые полтора года назад говорили: «Вы армии не создадите», теперь они говорят: «Вы армию создали и хорошую армию». Да и как не сказать, когда армия на пространстве 9—10 тыс. верст побеждает врага мобилизованного и вооруженного мировым капиталом. Да, эту армию создали мы,—и кто мы?—рабочие и крестьяне, носители советского строя. Они создали ее. Стало быть, тот строй, который эту армию породил, питает и держит на себе, есть строй крепкий и здоровый. В нем нет ущербы, недочеты, царапины и щели. Их указать пальцем легко. Советский механизм и его конституция работают не идеально. Ибо лучшие силы Московского Совета, Петроградского Совета и всех Советов России борются и умирают на фронтах. Что это, признаем, что, умирая, они нарушают иной раз такой-то параграф Советской конституции, но утешим и их, и себя тем, что они спасают Советскую Республику и революцию. Та армия, которая вами создана, есть плоть от вашей плоти и дух от вашего духа. Это наша живая и вооруженная Советская конституция. Ибо наши солдаты сражаются и умирают под лозунгом: «Да здравствует Советская Россия! Да здравствует мировая Республика рабочего класса!». (Продолжительные аплодисменты).

